

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

В. Г. Вовина-Лебедева, Ю. М. Лесман¹

ДВЕСТИ ЛЕТ ПОСЛЕ ШЛЁЦЕРА...

(К выходу нового комментированного издания «Повести временных лет»)

«Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) — одна из знаменитых хроник европейского Средневековья. Ее значение (для истории Руси и других стран) хорошо понимали не только русские, но и западные ученые уже в XVIII в. Для европейской читающей публики ее открыл Август Людвиг Шлёцер, пораженный богатством содержания «Нестора», как принято было тогда именовать ПВЛ по имени ее предполагаемого составителя. Прожив некоторое время в России, Шлёцер вернулся затем в Германию и в конце XVIII в. начал издавать «Нестора» с подробным историко-филологическим комментарием, сделанным на высшем уровне науки его времени [Schlözer]. А. Л. Шлёцер использовал традицию издания и комментирования текстов Священного Писания и классических авторов, особенно развитую тогда в его родном Геттингенском университете. Это был первый случай, когда традицию классических комментариев применили к средневековой хронике. А. Л. Шлёцер разбил текст «Нестора» на сегменты и каждый начал снабжать подробнейшими примечаниями. Он успел подготовить несколько томов, но материал оказался совершенно необъятным. А. Л. Шлёцер смог дойти лишь до киевского князя Ярополка, то есть даже не успел обратиться к крещению Руси. Этот незавершенный труд был напечатан и произвел большое впечатление на читателей в Германии и России. Но ни в Германии, ни в России не нашлось никого, кто бы закончил его работу. В начале XIX в. среди русских ученых не было достаточно квалифицированных филологов и историков, не было и книжных собраний такого уровня, как библиотека Геттингенского университета. Потом наступили новые времена, появились новые поколения специалистов, собственные научные школы. К этому времени наука о древних текстах ушла далеко вперед, и приемы, которыми пользовался Шлёцер, устарели. Труды петербургской Археографической комиссии стали издаваться полные тексты русских летописей, в составе которых и дошли все сохранившиеся списки ПВЛ.

В XX в. ПВЛ несколько раз издавалась отдельно от остального текста тех летописей, в составе которых она дошла до нас. Прежде всего, нужно отметить издание 1950 г. в серии «Литературные памятники» под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Издание состояло из двух томов. В первом были помещены текст и перевод (Д. С. Лихачева и Б. А. Романова), во втором — статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Этот труд был доработан и переиздан

¹ Ю. М. Лесман, недавнюю безвременную смерть которого глубоко переживают все друзья и коллеги, написал часть данной рецензии, касающуюся археологических сюжетов.

М. Б. Свердловым в 1996 г., комментарии Д. С. Лихачева при этом подверглись незначительному редактированию. Другим известным изданием была публикация ПВЛ в первом томе серии, которую готовили в основном сотрудники Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, под названием «Памятники литературы Древней Руси». Он вышел в 1978 г. Текст оригинала и перевод Д. С. Лихачева были расположены на разных сторонах одного разворота, что было чрезвычайно удобно для читателя. Комментарии были написаны О. В. Твороговым. А в 1997 г. О. В. Творогов издал ПВЛ в серии «Библиотека литературы Древней Руси» со своими комментариями и собственным переводом.

Но ПВЛ относится к числу тех текстов, исследования которых никогда не будут завершены. Не будут завершены и споры. В последнее время они даже обострились. Поэтому появление нового комментированного издания ПВЛ [Повесть временных лет]² является событием. Особенно хочется отметить, что последний раз комментарии к ПВЛ писались почти пятьдесят лет назад. Уже по одной этой причине новое издание заслуживает подробного рассмотрения.

С первого взгляда бросаются в глаза замечательные иллюстрации Мюда Мечева и роскошный характер издания, на мелованной бумаге, с оформлением, показывающим большой вкус издателей и художника. Издание снабжено многими интересными фотографиями археологических и художественных объектов. На с. 187 помещена карта, на которую нанесены народы, упомянутые в начале ПВЛ. Карта составлена специально для данного издания А. Ю. Черновым на основе карты Н. Т. Беляева 1929 г. Жаль, правда, что при этом не указано, где и в составе какого труда была опубликована карта Н. Т. Беляева. Для того чтобы это выяснить, нужно заглянуть в список литературы, приложенный к изданию и включающий все основные современные работы о ПВЛ. Уже сам по себе этот список будет полезен широкому читателю, интересующемуся древнерусской историей.

Текст сопровождается также обширным комментарием и исследованиями: статьей А. Г. Боброва об истории изучения ПВЛ, несколькими работами С. Л. Николаева о варяжском вопросе, статьей археолога С. В. Белецкого по древнерусской геральдике, с генеалогией геральдических знаков Рюриковичей, а также написанной совместно С. Л. Николаевым, А. Г. Бобровым и А. Ю. Черновым небольшой статьей «О Рюрике, Гостомысле и простушке Умиле» и «Материалами к биографии» Рёрика Ютландского (Фрисландского), которого составители считают прототипом летописного Рюрика. «Материалы» представляют собой краткую справку, составленную С. Л. Николаевым, а также сделанные им переводы выдержек из западноевропейских хроник, в которых упоминается Рёрик. В самом конце издания приложена сопоставительная таблица буквенных обозначений чисел в глаголице, кириллице и греческом алфавите, так как авторы в некоторых случаях полагают, что составитель ПВЛ мог ошибаться при переводе числовых значений с глаголицы (болгарские и моравские рукописи) на кириллицу.

Что касается комментариев, то авторами их являются А. Г. Бобров, С. Л. Николаев, А. М. Введенский, Л. В. Войтович и А. Ю. Чернов. Первые четверо — филологи (А. Г. Бобров и С. Л. Николаев) и историки (А. М. Введенский и Л. В. Войтович), давно занимающиеся древнерусской письменностью. А. Ю. Чернов — поэт, также давно специализирующийся на древнейшей истории Руси.

Однако после первого невольного восторга у читателя, взявшего книгу в руки, появляются многочисленные вопросы. В издании отсутствует оригинальный текст памятника. Это вызывает главное недоумение. Если нет древнерусского текста, значит, издание не научное, а или популярное, или научно-популярное. Кстати, хорошо было бы сразу указать, по какому изданию воспроизводится перевод, а не обозначать просто «перевод Д. С. Лихачева». Узнать

² Далее ссылки на издание даются в тексте в скобках.

это можно, только заглянув в приложенную к изданию статью А. Г. Боброва. Еще большая неясность возникает в отношении иллюстраций, и тут возможные вопросы читателя останутся без ответа. В одном из послесловий сказано, что 150 гравюр — иллюстраций к ПВЛ — уже были опубликованы Мюдом Мечевым в 1991 г. в Петрозаводске. Таким образом, складывается впечатление, что иллюстрации в данном издании — не первое их воспроизведение и сделаны первоначально не для него. Возможно, это касается не всех гравюр, но составители нигде этот вопрос не проясняют.

Издание перевода без оригинального текста нарушает сложившуюся в отношении ПВЛ традицию: в предыдущих изданиях древнерусский текст публиковался всегда. Перевод, воспроизводимый нашими составителями, делался Д. С. Лихачевым для издания вместе с оригинальным текстом, что важно. Ведь любой перевод древнего текста — это уже вариант его трактовки. И если не давать параллельно древнерусский текст, то трудно писать комментарии. Здесь издатели пошли по другому пути. Этим, как покажем ниже, они поставили себя в очень трудное положение. Это положение осложнено еще и тем, что комментарии в научно-популярном издании такого типа также должны быть научно-популярными, то есть максимально ясными для неподготовленного читателя.

В самом переводном тексте ПВЛ нет никаких указаний на то, какое слово или фраза будут комментироваться, таким образом, читатель должен обращаться к комментарию наугад. В этом составители следуют за изданием 1950 г., тогда как в издании 1978 г. и сами комментируемые места в тексте, и соответствующие чтения в комментарии были выделены курсивом. Правда, такое выделение части текста также может вызвать нарекания, так как является вторжением в источник. В рецензируемом издании курсивом выделены нужные места, только когда они воспроизводятся в самих комментариях. Представляется, что лучшим выходом из положения было бы поместить в тексте цифровые ссылки на соответствующий комментарий. Тогда читатель сразу видел бы, какое место будет объяснено.

Итак, раз составители не делали заново перевод, а воспользовались уже существующим, то важнейшей новой частью издания нужно полагать комментарии к ПВЛ. В значительном их числе учтены новые точки зрения на сложные вопросы начала Руси. И это — главное достоинство книги, хотя и не согласуется с ее научно-популярным характером. В последние годы появились значительные исследования в области истории, культуры и письменности Древней Руси, и читатель из новых комментариев может узнать последние точки зрения на проблемы, связанные с текстом ПВЛ, признанных специалистов (историков, лингвистов, текстологов и археологов), таких как О. В. Творогов, М. Б. Свердлов, А. А. Гиппиус, Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин, Т. Вилкул, И. Н. Данилевский, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, А. Н. Кирпичников, Л. С. Клейн, А. В. Назаренко, Ф. Б. Успенский и др.

Кроме того, составители выдвигают собственные трактовки некоторых многократно исследованных ранее мест. Например, как уже было отмечено, предлагается новое объяснение ряда летописных дат, в основе которого лежит предположение, что летописец использовал источники на глаголице, в которой буквенное обозначение годов отличалось от обозначения тех же годов кириллицей. Составители также вдохнули жизнь в старую гипотезу о тождестве летописного Рюрика и известного по скандинавским сагам Рёрика Фрисландского, о его родине Рюстрингии, причем эта гипотеза действительно стала выглядеть несколько по-новому. Наконец, целый лингвистический экскурс сделан в историю германских языков, в результате чего «русский» язык летописных варягов предстал перед читателем как нечто конкретное и осязаемое.

Но изложение таких гипотез, а также других — касающихся собственно истории текста ПВЛ — одинаково требует наличия древнерусского текста, тем более что некоторые из

построений имеют лингвистическую основу. В данном же издании иногда непонятно, делаются ли комментарии к переводу или к оригинальному тексту, в книге отсутствующему. Авторам комментариев приходится приводить чтения из оригинального текста, но это делается не всегда. Пример: на с. 197 дается комментарий к слову «русские», в конце которого сообщается, что о другом значении слова «русь» будет сказано далее. Таким образом, читатель должен сам догадаться, что «русские» — это и есть в оригинале «русь». Действительно, в переводе Д. С. Лихачева именно так читается место о том, что «в Афетове же части сядят русь, чудь и вси языци», но в том случае перед читателем был и оригинальный текст, а это все меняло. В некоторых случаях комментарий оказывается вовсе невозможным. Так, на с. 339 сказано, что «сложный для понимания текст» оригинала Д. С. Лихачев понял и перевел одним образом, а А. Поппэ — другим, но без самого оригинала фраза эта не имеет смысла.

Непонятно, на какого читателя ориентируются составители. Так, на с. 184 дано объяснение к имени Ной, и тут же без раскрытия дана ссылка на Библию в следующем виде: «(Быт.10)». Это общепринятая научная система ссылок на библейские тексты, но человеку, которому нужно объяснять, кто такой Ной, конечно, неясно, что «Быт.» — это Книга Бытия, и вообще, он не обязан знать научную систему ссылок (которая используется без раскрытия и в других комментариях, особенно часто в комментариях к части ПВЛ, традиционно называемой «Речью философа»). Есть в комментариях другие, трудные для понимания широкого читателя замечания, например, на с. 198 говорится в сноске, что знак звездочки перед словом обозначает, «что форма этого слова реконструирована» — примечание, так же нуждающееся в более подробном пояснении для широкого читателя, как и выражения типа «дальнейшая этимология затемнена» (С. 200 и др.). Трудно требовать от такого читателя и знания филологических («метатеза», «конъектура», «синтаксическая полисемия» (С. 213, 215, 298)) и археологических («подплиточная культура» (С. 232) и др.) терминов, а также понимания утверждений типа: «Гипотеза Шёгрена фонетически и семантически безупречна» (С. 213).

Мне кажутся лишними для научно-популярного издания и приведенные в комментарии древнегреческие названия (стран, упомянутых во вводной части ПВЛ, оригиналов слов, употребленных в договорах Олега и Игоря с греками, и др.) — от читателя такого издания нельзя требовать знания греческого алфавита. Конечно, можно возразить, что даже в некоторых энциклопедиях приводятся греческие корни, но энциклопедия — другой жанр. Там требуется максимальная сжатость данных. А научно-популярный комментарий должен объяснять читателю лишь то, что может быть ему непонятным при самостоятельном чтении текста. Поэтому-то и важно сразу определить, на какого читателя он рассчитан. И по этой же причине комментарий не должен быть избыточным, то есть не должен содержать материал, интересный автору, но выходящий за рамки объяснения текста.

Это особенно касается начала ПВЛ. Так, на с. 185, например, дан комментарий к слову «Вавилон», включающий краткое изложение всей истории Вавилонского царства, первое его упоминание, язык населения и др., тогда как в тексте ПВЛ Вавилон упомянут просто наряду с другими древними царствами, и можно было бы просто пояснить, что речь идет о таком-то государстве, упоминаемом в Библии и в средневековых хрониках. Это же можно сказать и о комментариях к названиям других древних государств. Несколько избыточны и комментарии к другим частям текста ПВЛ. Например (С. 191), о Карии сказано, что уроженцем ее был Геродот. Безусловно, для специалиста — это весьма интересная деталь. Но для понимания текста ПВЛ в этом месте Геродот не нужен. И потом, если расчет сделан на читателя, способного удовлетвориться переводом древнерусского текста без оригинала, то, по крайней мере, ему нужно объяснить и то, кто такой Геродот. Это же касается и комментария о том, что в Добруджу

был сослан Овидий, а знаменитыми фракийцами были Орфей и Спартак (С. 194). Чересчур подробными выглядят и комментарии к упоминанию имен византийских императоров, вовсе не требующих во всех случаях изложения их полных биографий, хотя это, конечно, познавательно для читателя. Особенно излишним кажется длинное изложение содержания саги о витязе Озде в связи с князем Олегом и др. Слишком детальный и подробный текст в комментарии, если он не вызван необходимостью пояснить комментируемое место, может лишить читателя нужных ориентиров, и важное (в данном случае) потонет в массе второстепенного.

Между тем некоторые географические названия мест обитания славян могли бы быть прокомментированы с точки зрения исторической географии и подробнее, например Днепр, о котором сказано лишь: «река в Восточной Европе; длина 2201 км. Протекает по территории России, Белоруссии и Украины».

Также в комментарии лучше было бы или подробно объяснять особенности истории текста ПВЛ, или уж вообще не касаться этих проблем. То, что история текста ПВЛ рассмотрена затем в прилагаемой статье А. Г. Боброва, не является заменой, так как читатель может к ней и не обратиться, и потому, если другие летописи упоминаются в связи с ПВЛ, читатель должен суть вопроса понять уже из комментария. Так, на с. 223 сказано, что легенда об апостоле Андрее «отсутствует в начальном тексте НПЛ, предшествовавшем ПВЛ». Эта фраза читателю непонятна не только из-за аббревиатуры НПЛ, которая раскрывается в конце книги (и если читатель сообразит обратиться к списку сокращений, то поймет, что речь идет о Новгородской первой летописи), а потому, что это слишком короткое выражение сложной и спорной проблемы соотношения древнейших летописных текстов. Нужно было все же объяснить, что, как полагает большинство исследователей, ПВЛ и НПЛ имели общий источник — так называемый Начальный свод, и именно поэтому, исследуя текст ПВЛ, столь важно сличать его с НПЛ. Далее (на с. 233) НПЛ упоминается уже в связи с Начальным сводом, но все еще не поясняется, что это такое. Аналогично этому, неискушенному читателю явно непонятно, что стоит за фразой о том, что в ПВЛ воспроизводится отрывок из Хроники Георгия Амартола, по-видимому, «без посредства русского компилятивного хронографа» (С. 233). Специалисты понимают, о чем идет речь. Но эта фраза и ей подобные не имеют смысла в научно-популярном издании.

Кроме того, в разных комментариях (С. 231, 232, 236 и др.) упоминаются летописи, в составе которых дошел текст ПВЛ («Ипат<ьевская>», «Лавр<ентьевская>», «Радз<ивилевская>» и др.), но нигде не поясняется, что это именно списки ПВЛ (потому, что это очевидно составителям), а читатель этого может не знать. И уж точно он не поймет без объяснения, даже заглянув в список аббревиатур, что такое «Первая подборка Новг<ородской> Карамз<инской>»!

Хотелось бы видеть в комментариях объяснение употребления некоторых основополагающих этнографических терминов, которые в науке толкуются по-разному. Например, неясно, почему у составителей ливы — это «финно-угорский народ», летгола, зимигола, пруссы и др. — «балтские народности», а явь, мурома, печера, весь и др. именуется «племенами». Если тут есть закономерность, хорошо было бы, чтобы читатель ее понимал.

Сказанное выше, и в особенности то, что будет сказано далее, касается не всех комментариев, большая часть которых корректна и благополучно решает задачу пояснения читателю непонятого текста. Но в других случаях (это касается в основном начальной части ПВЛ, до крещения Руси), составители комментариев слишком увлекаются своими новыми идеями. Так, исходя из того, что в поздней Никоновской летописи (XVI в.) некая дата укладывается в их «глаголическую» гипотезу» (см. выше), составители делают вывод, что «ряд сведений Никон<овской летописи> могут оказаться ранними» (С. 239). Это замечание появилось не случайно. Ссылки на

Никоновскую летопись имеются и в других местах комментариев. Но указанное предположение, скажем мягко, — легковесно, а основание для него недостаточно. Абсолютно произвольна и не опирается на историю текста летописи неоднократно приводимая составителями мысль о том, что многие «пустые» годы в ранних списках ПВЛ — результат тенденциозного удаления первоначально имевшихся статей, сохранившихся, таким образом, только в позднейшей Никоновской летописи. Выводы о позднем и легендарном характере известий Никоновской летописи, отличающихся от известий ранних списков ПВЛ, делались многократно и на основе гораздо более представительного материала. Нельзя отвергать результаты предшествующих текстологических исследований без серьезной аргументации только на том основании, что какой-то текст подходит для подкрепления того или иного предположения. Это же относится и к неоднократным упоминаниям в комментариях Устюжской летописи (Архангелогородского летописца) (С. 278–280 и др.), оригинальные чтения начальной части которого являются также плодом работы составителей XV–XVI в. и не имеют отношения к древнейшему летописанию.

Желание абсолютно логично увязать в своих построениях все летописные даты, события, археологические и лингвистические данные приводит составителей в ряде случаев к чересчур прямолинейным и однозначным выводам, хотя материал скорее зыбок и не дает к этому оснований. Так выглядит, например, стремление напрямую связать летописную дату прихода варягов с датировкой ладожских культурных слоев, в которых наблюдаются следы пожара.

Вообще, в своем желании все вокруг заставить работать на свои предположения составители иногда заходят печально далеко. Нельзя не обратить внимание на то, что в комментарии к имени «Рюрик» безо всяких объяснений и в положительном смысле упоминается не только легендарный и известный лишь по Никоновской летописи «Вадим Храбрый» (С. 251, 254), но и брак Рюрика с некоей дочерью местного старейшины, который известен лишь из сочинений В. Н. Татищева. Дело в том, что «татищевские известия» давно уже воспринимаются текстологами критически, и эта критика имеет длительную традицию. Вызывают сожаление и прямые ссылки (неоднократные!) на Иоакимовскую летопись, про которую в одном из комментариев сказано, что о подлинности ее «у ученых нет единого мнения» (С. 251). Между тем у ученых — специалистов по летописанию — мнение по этому вопросу единое и негативное. «Иоакимовская летопись» В. Н. Татищева не имеет отношения к древнейшему летописанию, и пользоваться ее текстом для реконструкции событий IX–X в. абсолютно невозможно.

Очень странен для солидного издания также пассаж о созвучии имени легендарного Гостомысла и позднейшего галицкого князя Ярослава Осмомысла (С. 251), вызывающий в памяти рассуждение одного из крупнейших исследователей летописания Я. С. Лурье об авторах, пишущих по принципу «почему бы и нет?». Слова эти вспоминаются и при чтении некоторых других комментариев, например, обнаружения в тексте ПВЛ «строфы Бояна» (С. 335), уподобления ПВЛ скальдическим строфам (С. 353) и др. Особенно это бросается в глаза на с. 309–311, где приведена обширная выписка из Иоакимовской летописи по В. Н. Татищеву о крещении Новгорода. К сожалению, приходится признать, что подобное игнорирование результатов многочисленных научных исследований в отношении В. Н. Татищева (из самых последних работ см. исследования А. П. Толочко и М. Б. Свердлова) вводит читателя в заблуждение и этим компрометирует издание в целом. Кроме того, порочен сам метод, при котором вверх ногами поставлена последовательность и иерархия процедур. Так, в одном месте комментария сказано, что в контексте предположений составителей одно из известий Иоакимовской летописи «не кажется фантастическим» (С. 253). Но первично должно быть не предположение исследователя, а анализ источника, в данном случае Иоакимовской летописи, результатом которого является и решение вопроса о его подлинности, и его датировка. Историки в своих исследованиях должны

пользоваться результатами этого анализа и на этой основе строить свои исторические гипотезы. Здесь же все наоборот: первично предположение исследователя, и, если какой-то источник подходит под это предположение, он объявляется подлинным, древним и т. д., хотя бы «в какой-то части» (С. 341).

Среди других, солидных в целом комментариев эти рассуждения кажутся удивительно непрофессиональными, как и ряд других мест, например, комментарий к слову «Перун». Описав обычай новгородских рыбаков в середине XX в. (!) бросать в определенном месте Волхова в воду монеты, предназначавшиеся (предположительно!) Перуну, составитель комментария пишет, что так же «должны были» (!) действовать и древнерусские купцы, выходящие из Ладоги (С. 268–269). Фантастично и утверждение о том, что следы языческого обычая дарить богам драгоценности видны в евангельской притче о зарытом таланте и в шекспировской фразе из «Гамлета» о призраках, закопавших сокровища (С. 269).

Нигде не указано, кто именно писал тот или иной комментарий, поэтому за них отвечает научный коллектив в целом. То, что в некоторых местах в комментариях указано, что то или иное мнение принадлежит лишь одному из комментаторов, дела, к сожалению, не меняет. Тут важно само решение, какое мнение воспроизводить, а какое — нет. Кроме того, иногда комментарии, возможно, потому, что написаны разными авторами, противоречат один другому, но это не оговаривается. Так, на с. 204 сказано, что слово «варяги» связано с понятием «викинги», а последнее буквально переводится как «деревенские люди», хотя выше на с. 202 дан вариант другой этимологии слова «варяги».

Комментарии также неоднократно забегают вперед (так как ориентируются на специалиста, а не на широкого читателя), например, в комментарии к первому упоминанию слова «русь» и названия «Новгород» несколько раз упоминается Рёрик Фрисландский и Рюрик, хотя о них еще не шла речь в предыдущих пояснениях, да и в самом тексте ПВЛ Рюрик еще не упоминался. На с. 245 комментария похода называется область Рюстринген, хотя до того она не упоминалась, и все дальнейшее рассуждение, связанное с нею, находится впереди (с. 247 и далее).

Вызывает некоторое удивление, что, комментируя место о так называемом «расселении славян», составители дали пояснение только к «дреговичам», «северянам» и «словенам ильменским», причем первым посвящен небольшой абзац, вторым — три строчки, а последним — несколько страниц текста, весьма информативного с археологической и лингвистической точек зрения, но для комментария этого места ПВЛ совершенно избыточного. Кстати, много места тут уделено разным вариантам объяснений топонима Ладога, а также характеристике археологических памятников на берегах Волхова, хотя ни Волхов, ни Ладога в этой части ПВЛ вообще еще не упомянуты. К названиям других славянских «племен» (древлян, полочан), упомянутых в данном месте ПВЛ, не даны комментарии вообще. Между тем можно было бы ожидать более развернутого археологического комментирования каждого из славянских «племен». Нельзя отделаться от ощущения, что составители просто оказались под обаянием новгородского и ладожского материала, а другой оставили без внимания, хотя он существует. Правда, о кривичах сказано немного в обширном этнолингвистическом экскурсе к другому месту летописи (С. 227–229), но, если думать о понятности текста читателю, комментироваться должны первые упоминания слов, а при повторном упоминании — даваться отсылки к этому первому комментарию.

Единообразия комментариям не хватает и в других местах, например, в историографических сюжетах. В некоторых случаях подробно рассмотрены многочисленные точки зрения с отсылками к названиям статей и монографий (например, в упомянутом выше «славенско-ладожском» комментарии), а в других местах фигурируют безымянные «некоторые исследователи», как

в комментарии к упоминанию похода Кня на Царьград (С. 227). На с. 241—245 внятно и подробно объяснено сложное место о призвании «руси», но не менее сложное следующее место — перечень призвавших племен — не объяснено. Между тем историографически оно не менее значимо, в частности, давно дискутируется вопрос, было ли в первоначальном тексте упоминание «чуди», или это позднейшая вставка. В очень подробном комментарии к имени Рюрик (С. 247—253), представляющем в основном биографию Рёрика Фрисландского, не хватило места для упоминания о том, что далеко не все исследователи признают столь очевидное для составителей тождество летописного Рюрика с этим Рёриком.

Отдельно можно сказать, что в некоторых комментариях к тексту договоров Олега с греками приводятся ссылки на мнения о них А. Ю. Чернова, но не приводятся точки зрения признанных специалистов по этому, многократно исследованному и, главное, очень специфическому источнику. Возможно, с этим же связано то, что важнейшие места договоров оказались необъясненными, например то обстоятельство, что это перевод с греческого. Не пояснен протокол договоров. Не комментируется знаменитое начало договора 911 г. с перечислением скандинавских имен посланцев Олега и упоминанием других «светлых и великих князей» — фраза, всегда вызывавшая споры. Эта же беглость относится и к договору Игоря. В последнем прокомментированы только пять мест (в основном имена и географические названия). Возникает впечатление, что договоры как юридические памятники просто не интересовали составителей комментариев, находились в стороне от их исследовательских интересов.

Одним словом, рецензируемая книга показывает, что комментарии не должны переходить в исследовательские статьи, а их полнота не должна зависеть от предпочтений авторов. Задача комментария — дать читателю (в случае, если какое-то место нельзя толковать однозначно) представление о сложности вопроса, о разных точках зрения по нему и об основных аргументах всех спорящих сторон, а не только одной из них.

«Безумству храбрых поем мы...». Комментарии — в целом, как издание, с одной стороны, дилетантское, с другой — хулиганское в духе студенческо-аспирантского капустника. При этом целый ряд комментариев или их частей, а также статей в приложениях отвечают современному научному уровню и вполне уместны, но... Выбор комментируемых мест и, главное, содержание комментариев носят во многом случайный характер. Связь комментариев и комментируемых мест подчас весьма опосредованная и умозрительная. Один из характерных примеров — комментарий к словам «славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем...». Он самый большой — более 8 страниц (С. 210—228) из 198 страниц комментариев (с. 183—380), при том, что комментарии к сообщениям об остальных славянских «племенах», расселившихся на просторах Восточной Европы, уместились примерно на 2,5 страницы: на них обсуждаются или хотя бы упоминаются 16 «племен» (точнее, лишь 12 из них, остальные специального упоминания не удостоились). Однако собственно «славянам, которые сели около озера Ильменя», отведена лишь 21 начальная строка комментария и еще несколько предложений далее. Культура, которую археологи связывают со словенами новгородскими (авторы без объяснения переходят к этой форме), не названа и не описана, с той или иной степенью надежности реконструируемая на ее основе территория, которую заселяла эта группа, не очерчена, но при этом безапелляционно и бездоказательно утверждается, что «предки словен покинули территорию современной восточной Польши» (С. 211). На самом деле это никому не ведомо, но Восточная Польша здесь просто невозможна (это Мазовша — самый отсталый регион Польши, болота, примыкающие к Полесью, где предки славян отсиживались, дыша при появлении врагов через тростинки). Фактически весь остальной текст посвящен Ладоге (и расположенному рядом с ней Любшанскому городищу), в него включен еще и экскурс о Велесе (более уместный в комментарии к описанию религиозных

преобразований Владимира накануне принятия христианства, где Велес упоминается). Самой Ладоге, конечно, должно быть отведено место в комментариях, но при комментировании тех мест ПВЛ, где она упоминается (в основной или параллельной основному тексту ПВЛ версиях летописей). Сам по себе комментарий даже применительно к Ладоге, к сожалению, носит достаточно случайный и обрывочный характер. Читатель не сможет на его основе составить хотя бы самое общее представление о том, что представляла собой древняя Ладога: размеры поселения, хотя бы ориентировочное число жителей на разных этапах. При этом читателю сообщается достаточно много случайных и непроверенных сведений. Характерный пример — железные изделия с Любшанского городища, названные «рогами ухватов», не только описываются (С. 211, 213), но и публикуется их фотография (С. 468), хотя, даже если такая атрибуция верна, не ясно, что она дает читателю и какое имеет отношение к ПВЛ. Корректные фрагменты комментария здесь, как и в других местах, сочетаются с совершенно непрофессиональными. Один из примеров такого дилетантизма — утверждение о том, что наличие на монетах из найденного в районе Петергофа клада арабских монет (сокрыт в начале IX в.) нацарапанных отдельных рунических знаков и надписей на скандинавском и тюркском языках, а также надписей на греческом и арабском языках позволяет утверждать, что в Ладоге «купцы — это главным образом русы (континентальные северогерманцы), но встречаются здесь хазары, арабы, тюрки и даже греки» (С. 217). Как будто каждую монету с чуть заметно процарапанной на ней надписью должен непосредственно доставить на берега Финского залива (проехав через Ладогу) именно тот человек, который эту надпись сделал. С тем же успехом можно утверждать, что наличие в кошельке у современного жителя Анадыря отчеканенной на Петербургском монетном дворе монеты свидетельствует о приезде в этот город работника монетного двора.

Далее авторы переходят к комментированию топонима «Новгород» (С. 218–220). Комментарий начинается с поразительного историко-географического перла: Новгород — центр Ильменского Поозерья и Южного Приладожья. По-видимому, предполагается, что читатель сведущ в географическом районировании Северо-Запада, хотя если он знает, что такое Ильменское Поозерье, то он знает и то, что это очень небольшой район вокруг озера Ильмень, не граничащий с Южным Приладожьем. Новгород, конечно, можно считать небольшим локальным центром, важным лишь для его ближайших окрестностей, но тогда он не был бы тем Новгородом, который мы знаем. Вместе с тем связь с Новгородом (зависимость от него) Южного Приладожья носила вплоть до середины XII в. нестабильный эпизодический характер. Точнее, нестабильной была зависимость от Новгорода Ладоги и связанного с ней Нижнего Поволжья, Юго-Восточное Приладожье прочно вошло в состав Новгородской земли лишь со второй половины XII в., а слабо заселенное Юго-Западное — еще позже.

Если доверять сообщениям летописей о существовании Новгорода в IX — первой половине X в., Рюриково городище не «предшественник Новгорода», это и есть Новгород второй половины IX — первой половины (или трети) X в., а затем — его составная часть (с начала XII в. — место княжеской резиденции). Именно так его рассматривает (и совершенно справедливо) Е. Н. Носов и очень многие исследователи — см., например, дискуссию о переносе городов. «Прямой перевод» Хольмгард — «гард (огороженное поселение) на острове» не совсем корректен, так как гард не подразумевает огороженности. В целом набор сведений о Новгороде случаен, а комментарий завершается некорректной (самое мягкое выражение) по своей сути интерпретацией данной А. А. Зализняком атрибуции языка новгородцев, причем со ссылкой на второе издание его «Древненовгородского диалекта» (2004 г. — страницы не указаны, а в монографии более 870 страниц), в то время как пересказывается текст из первого издания (1995 г.). А к 2004 г. А. А. Зализняк от наименования диалекта, на котором говорили древние новгородцы до XIII в. («псковско-кривичский»), аргументированно отказался.

С. 220 — путь из варяг в греки — комментарий на 7 строк состоит почти целиком из ошибок. В сравнении с Ладогой и Новгородом — к слову «Киев» комментарий всего 6 строк (С. 226). На той же странице сообщается, что Новгорода в IX в. еще не существовало, то есть снова игнорируется Рюриково городище. На с. 267–269 примитивный пересказ весьма спорных, на мой взгляд, положений В. В. Седова, причем здесь совсем не обязательных. В то же время о самих «племенах» не сказано почти ничего. С. 278–283 — непомерно большой комментарий о смерти Олега. При этом игнорируется тот факт, что данных о наименовании Полой сопки «Олеговой могилой» нет в источниках XVIII в. (Генеральное межевание) и нет для первой половины XIX в. Она, действительно, самая крупная в этой группе сопков, но совсем небольшая по сравнению с сопкой у погоста Михаила Архангела у порогов (то есть в том же Нижнем Поволховье, но несколько выше по Волхову). «Олегова могила» — почти наверняка плод творчества местных грамотеев, прочитавших Н. М. Карамзина или М. П. Погодина (как и «Синеусова могила» под Белозером, и «Труворово городище» в Изборске). И т. д., и т. п. (можно продолжить почти по каждой фразе почти во всех комментариях).

Как обычно, авторы пишут не то, что нужно для справочного издания, каковым является комментарий, а то, что знают, о чем задумались (или думали), куда понесло. Все определила поэтическая натура Андрея <Чернова>.

В заключение, о плюсах. Конечно, далеко не все — ошибки. Есть куски (или кусочки) вполне здравые. Главное достижение — сама смелая идея написать комментарий к ПВЛ. Нельзя сказать, что получилось, но своей работой составители показали, что начатый ими труд нужен. При последовательном комментировании неизбежно проступают проблемы, можно попытаться сопоставить подходы специалистов разных специальностей и специализаций. Такая работа нужна не только «широкому читателю», но и профессионалам. Они первопроходцы и, как часто с первопроходцами бывает, сгнули в глубинах океана ПВЛ. Но они указали цель — это уже очень много. За это (и, думаю, только за это) — честь им и хвала.

Статьи, следующие в издании после комментариев, производят, в общем, другое впечатление. Статья А. Г. Боброва представляет собой профессиональное краткое изложение истории изучения ПВЛ. Автор, являющийся крупным специалистом по русскому летописанию, естественно, критически оценивает идею использования Иоакимовской летописи при реконструкции ранней истории Руси. По словам А. Г. Боброва, «при всей увлекательности» этих построений они «недостаточны для определенных выводов о начале русского летописания» (С. 388). Таким образом, один из авторов комментария критикует идею, проходящую через этот комментарий сплошной линией. Невольно возникает вопрос: зачем же запутывать читателя? Если составители не согласны между собой, не лучше ли было дать в комментариях только те точки зрения на текст ПВЛ, которые разделяют все члены научного коллектива, а маргинальные построения, если уж так хотелось их опубликовать, дать в приложении с соответствующими примечаниями об их спорности.

Статья А. Г. Боброва написана для широкого читателя, действительно, популярно объясняя сложные вопросы текстологии ПВЛ. Совершенно по-другому выглядит следующая за ней статья С. Л. Николаева «Семь ответов на варяжский вопрос». Сам автор, известный лингвист, оценивает ее как академическую по форме, но в соответствии с «духом издания» содержащую идеи, «некоторые из которых экстравагантны и находятся на “границе научного фола”» (С. 429). Что касается «духа издания», то это единственное его определение, которое можно найти в книге, так как нигде больше составители свои принципы не излагают. С. Л. Николаев, правда, определяет издание скорее от противного, написав, что оно «не относится ни к академическим,

ни к энциклопедическим, поэтому авторы не ограничивали себя в подходах». В связи с этим в комментариях, кроме научного, используется, по словам автора, «и “интуитивный”, “поэтический” подход к великому тексту, который не противоречит научному, а иногда и дополняет его» (С. 429). С последним утверждением решительно нельзя согласиться. Наука и поэзия — разные сферы. Научная интуиция существует, но она не имеет отношения к тем местам комментариев, о которых шла речь выше.

Что же касается экстравагантности лингвистических построений С. Л. Николаева, которые касаются реконструкции «континентального северогерманского диалекта» — языка скандинавов Восточной Европы (то есть, условно говоря, языка Рюрика, Олега и их дружинников), то неподготовленный читатель, совершенно очевидно, оценить ее не сможет. Текст С. Л. Николаева написан для лингвистов и может быть понят только специалистами. Даже если читатель посмотрит в словаре, что означают слова «просодия», «метатеза», «спирант», «интервокальный», «консонантизм» и др., это вряд ли ему поможет. А жаль, так как, если бы автор попытался, хотя бы немного, популяризировать эти идеи, читатель мог бы узнать много интересного. Это касается, например, новой гипотезы о происхождении имен Синеуса и Трувора, предлагаемой С. Л. Николаевым вместо несостоятельного, с его точки зрения, определения их как «его род» и «верная дружина». Кстати, не совсем понятно, разделяет ли С. Л. Николаев идею о тождестве летописного Рюрика и Рёрика Фрисландского, являющуюся одной из главных опор многих комментариев, но названную им в статье «умозрительной попыткой» (С. 413).

На одном моменте хотелось бы остановиться, поскольку он бросается в глаза вне зависимости от степени понимания читателем чисто лингвистической аргументации. Главная идея С. Л. Николаева заключается в реконструкции элементов языка скандинавского населения Восточной Европы. Основным материалом являются имена варягов, читаемые в договорах князей Олега и Игоря с греками в тексте ПВЛ. Сразу возникает источниковедческий вопрос: каким образом производится эта реконструкция, если тексты этих договоров в ПВЛ, как давно и прочно установлено, являются древнерусскими переводами с греческого языка? Ведь в этом случае, чтобы восстановить изначальное скандинавское написание имени, нужно сначала представить, каков мог быть греческий оригинал имеющегося у нас древнерусского чтения, а затем попытаться из этого греческого написания вывести его изначальную скандинавскую форму. Если этого не делать, все построение лишается смысла, хотя, с другой стороны, если это проделать, неизвестно, останется ли какой-то надежный материал для исследования.

Как выяснилось, С. Л. Николаев полагает, что «фонетическая форма скандинавских имен в летописи такова, что она не могла быть транслитерирована с греческого, поскольку в нем просто не хватило бы букв, и автоматическая транслитерация была бы очень далека от германского звучания». Варианты решения по С. Л. Николаеву: «1) существовал русский — славянский или скандинавский список, использованный летописцем; 2) греческая транскрипция была прочитана человеком, который смог восстановить скандинавское звучание имен, которое и было передано кириллицей»³. К сожалению, в тексте статьи С. Л. Николаева эти объяснения не даны. К тому же текстология договоров Руси с греками связана с исследованием тех летописей, в составе которых эти договоры сохранились, поэтому предположения С. Л. Николаева нуждаются в сопоставлении с предшествующими результатами. Пока же эта «лингвистика без источниковедения»⁴ демонстрирует, насколько обязательно при анализе ПВЛ учитывать арсенал всех гуманитарных дисциплин, а не какой-то одной и них.

Статья С. В. Белецкого о геральдических знаках Рюриковичей представляет сведенные вместе и обобщенные результаты его прежних работ. Хотя она также вполне специальная, но

³ Сообщение С. Л. Николаева в частном письме.

⁴ Определение Ю. М. Лесмана.

понятна широкому читателю и потому совершенно уместна и полезна в данном издании. Это же относится и к небольшой статье С. Л. Николаева, А. Г. Боброва и А. Ю. Чернова, касающейся «простушки Умилы» (имя дочери Гостомысла, встречающееся только у В. Н. Татищева). Нужно сознаться, что после прочтения комментариев со всеми обозначенными выше экскурсами в татищевские тексты автор данной рецензии обратился к этой последней статье почти со страхом. Но этот страх оказался напрасным, так как в ней содержится вполне объективный обзор случаев упоминания в средневековых текстах старейшины или короля с именем Гостомысл, объяснено происхождение его имени и имени легендарной Умилы у В. Н. Татищева. При этом гоорится, что «сказание о Гостомысле, представленное в Иоаким<овской>, имеет позднюю форму» и, как считают авторы, привнесено на Русь извне (С. 467). Правда, таким образом, авторы статьи в очередной раз вступили в противоречие с тем, что сами же они написали в комментариях к ПВЛ.

Общее впечатление от издания — смешанное. С одной стороны, повторим, что это научное событие, достойное детального анализа. Заново написаны комментарии к основополагающему тексту русского Средневековья. Книга, несомненно, вызовет большой интерес у широкого круга читателей. Составители предложили новый взгляд на некоторые вопросы истории текста ПВЛ, имеющие давнюю традицию изучения. Они обобщили результаты многочисленных исследований последних лет и предложили свежее, хотя и спорное, понимание целого ряда текстов. Это особенно относится к гипотезе о связи начала Руси с событиями в северогерманских землях, к реконструкции языковых особенностей населения «Рюстрингии».

С другой стороны, в комментариях, в целом весьма солидных, присутствуют во многих местах поверхностные выводы и сравнения, попросту — фантазии. По-моему, опыт этого издания показывает, что нельзя под одной обложкой соединять специалистов и дилетантов.

И, наконец, книга из-за роскошного оформления получилась дорогой и явно рассчитана на покупку состоятельными людьми, на счет которых мы не всегда можем быть уверенными, что они вообще будут читать комментарии и ученые статьи, а не держать эту книгу просто для подчеркивания статуса и разглядывания картинок (особенно это относится к тем ста экземплярам из общего тиража, которые, согласно надписи на обороте титула, «выполнены в переплетах из черной кожи с золотым обрезом и пронумерованы»).

Тем не менее книга, несомненно, найдет своего читателя. Она будет направлена в крупнейшие библиотеки страны. Текст ее выложен в Интернете. Но выход этой книги не решает важной культурной задачи (которая, конечно, этим изданием и не ставилась), заключающейся в том, чтобы снабдить широкого читателя текстом ПВЛ и наиболее известных памятников древнерусской литературы с доступным для него комментарием. Такой текст должен был бы выйти крупным тиражом, быть недорогим, чтобы его могли купить школы и университеты, приобрести все желающие. Причем, несомненно, для школ и для вузов нужно подготовить разные типы изданий. Как преподаватель могу заверить, что потребность в этом велика⁵.

И, наконец, я возвращаюсь к мысли Ю. М. Лесмана, приведенной выше. Нам необходимо не только популярное, но и научное издание ПВЛ с подробными научными комментариями. Удивительно, но такого издания не появлялось со времен А. Л. Шлёцера, так как издания в серии «Литературные памятники» и «Памятники литературы Древней Руси» были научно-популярными, а не академическими. Во времена Шлёцера этот труд оказался непомерным для одного человека. Но и сейчас один человек, и даже небольшая группа, как видим, такое академическое издание ПВЛ осуществить не в состоянии. Нужно объединить усилия тщательно отобранных специалистов разных специальностей (археологов, источниковедов, историков литературы, лингвистов, текстологов, искусствоведов, историографов), чтобы написать историко-

⁵ Удачным примером стал только что подготовленный для средней школы сборник отрывков из древнерусских памятников, в том числе из ПВЛ, с комментариями [Повести минувших лет].

филологический комментарий в ПВЛ так, как пишут комментарии к древним авторам⁶, ничего не пропуская, обращая внимание на каждое слово и выражение ПВЛ, от трактовки которых иногда зависит оценка принципиальных вопросов русского Средневековья и которые имеют, в силу этого, значительную традицию. Текст ПВЛ как одного из первых сочинений в истории русской письменной традиции этого давно заслуживает.

Литература

Левинская И. А. Деяния апостолов. Главы 9–28. Историко-филологический комментарий. СПб., 2008.

Повесть временных лет / Перевод с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Комментарии А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. Статьи А. Г. Боброва, С. В. Белецкого, С. Л. Николаева. Иллюстрации М. М. Мечева. СПб., 2012 (Сер. «Фамильная библиотека: Героический зал»).

Повести минувших лет: Памятники литературы Древней Руси XII–XVII веков / Предисл. и комм. А. Г. Боброва. СПб., 2014 (Серия «Лениздат-классика»).

[Schlözer A. L.] Несторъ. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grund-Sprache, verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schlözer. Gottingen. 1802–1809. Vol. 1–5. Перевод: [Шлецер А. Л.] Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером / Перевод Дм. Языкова. СПб., 1809–1819. Ч. 1–3.

⁶ Из недавних работ на русском языке примером могут служить комментарии И. А. Левинской, сделанные к «Деяниям апостолов» [Левинская].